

**Островский Александр
Николаевич**

Трудовой хлеб

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-2
ББК 84-6

Островский Александр Николаевич

Трудовой хлеб / Островский Александр Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2011. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-3015-1

Александр Николаевич Островский (1823-1886) – выдающийся драматург, основоположник русского национального театра. В его комедиях и драмах ярко отражен быт московского купечества, провинциальных актеров, мелких чиновников. Галерея созданных Островским образов огромна, его персонажам суждена долгая жизнь и в сердцах будущих поколений наших соотечественников. В четвертый том вошли пьесы, написанные в 1871-1875 гг.: `Не было ни гроша, да вдруг алтын`, `Снегурочка`, `Поздняя любовь`, `Трудовой хлеб`, `Волки и овцы`.

ISBN 978-5-4241-3015-1

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Александр Николаевич
Островский.
Трудовой хлеб

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Иоасаф Наумыч Корпелов, лысый, преждевременно состарившийся и сгорбившийся, но всегда улыбающийся человек. Одет в черное длинное сакпальто, застегнутое сверху донизу. Тон, движения, манеры педантские, с примесью шутовства. По занятию — учитель, промышляющий дешевыми частными уроками.

Наталья Петровна Сизакова, сирота, красивая девушка, лет 25, племянница Корпелова по матери.

Евгения Львовна, бедная девушка, дальняя родня Наташи, одних с ней лет.

Павел Сергееч Грунцов, молодой человек, кончивший курс в университете, ищущий места; недурен собой, с бородкой; одет прилично; короткий пиджак, красивые, хорошо вычищенные сапоги по колена, фуражка всегда немного на затылке, в руках толстая палка. Шагает широко, в жестах развязен.

Иван Федулыч Чепурин, лавочник, хозяин дома, в котором живет Корпелов. Молодой человек, косоват, рябой; рыжеватая неподстриженная борода клином. Одет щеголевато в серенькую одноцветную пару. Держит себя скромно и сосредоточенно. Взгляд, речь и движения энергичны.

Маланья, кухарка, лет за 50, одета по-русски. (Корпелов зовет ее Аглаей.)

Бедная комната, соседняя с кухней. С правой стороны (от зрителей) окно, под окном небольшой письменный стол, на нем разбросаны книги; перед столом стул; далее, в углу, горка с книгами. С левой стороны шкафчик с посудой; за ним, в углу, дверь в комнату Наташи. В глубине узкая дверь в кухню; направо от двери тонкая перегородка, у которой, между дверью и горкой, мягкий ситцевый диван, служащий постелью Корпелову; над диваном на стене висит гитара; налево от двери до угла бок выбеленной русской печи; у печи деревянная скамейка; на ней железное ведро, самовар и медный подсвечник. Посредине комнаты обеденный стол и несколько стульев.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Корпелов (один).

Корпелов (входит усталый, снимает измятую широкополую шляпу и садится у письменного стола. Со вздохом). Вотще! (Помолчав.) Напрасно, так сказать, все! и без денег, и тощ вспять возвратис. Но мудрый унывать не должен, — мудрый всегда найдет себе уладу в горести. Обращусь к живительной влаге!... (Подходит к шкафу и открывает его.) Сей источник радостей... (осматривая графин) иссяк. (Громко.) Аглая, Аглая!

Входит Маланья.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Корпелов, Маланья.

Корпелов (показывая графин). Воззри!

Маланья. Чего тут зреть-то!

Корпелов. Пусто.

Маланья. Да чему ж и быть-то, коли выпито.

Корпелов. Сам Сократ глаголет твоими устами. Выпито! Вижу, что выпито; но кем?

Маланья. Да кому ж, окромя что сам. Умереть на месте! Пошлешь на пятак, да хочешь, чтобы неделю велось, что ли? Кабы ты мог рассудить правильно, так тут и на один-то раз чего! Да мое бабье дело, да я...

Корпелов. Довольно!

Маланья. Стало быть, от тебя только одна обида, больше ничего не будет?

Корпелов. Аглая, довольно!

Маланья. Что ж напрасно-то! Вот лопни утроба...

Корпелов. Аглая, Аглая!

Маланья. Боже мой!

Корпелов*(громко и затыкая уши)*. Satis!¹

Маланья. Только что беспокойство. Тоже хозяева! Чтoб вас... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Корпелов (один).

Корпелов*(ставит графин в шкаф)*. Сего утешения лишен. Разве возбращать на сей бандуре! *(Указывая на гитару.)* Но персты мои и сладкий глас мой исполнены дрожания от многого хождения. Остается усладительница душ, поэзия. Приди и утоли скорбный дух мой! *(Берет со стола книгу и читает про себя несколько времени.)* «Бегут быстротечные годы!» – говорит Гораций. Да, действительно, бегут проворно; но еще проворней бегут месяцы, особенно если нечем платить за квартиру. Гораций этой заботы не знал, оттого и дух его парил так высоко. А если б он и знал, если б и задолжал месяца за два, то не без основания можно полагать, что Меценат заплатил бы за него. А я вот нынешний день, будучи обязан иметь семь с половиной, обежал всех учеников своих, пешешествуя по стогнам столицы семо и овамо, от сего конца и до оногo и даже до последних пределов, сиречь до вала Камер-коллежского... Семи с половиной не обрел, ибо ученики мои беднее учителя, и се жду со смиренным сердцем от хозяина поношения и поругания. *(Ложится на диван и складывает руки на груди.)*

Входит Грунцов, запыхавшись, садится у стола, бросает фуражку и отирает со лба пот.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Корпелов, Грунцов.

Грунцов*(едва переводя дух)*. Здравствуй, domine!²

Корпелов. Здравствуй, юноша! Шагaл?

Грунцов. Шагaл.

Корпелов. Много стадий ?

Грунцов. Шесть верст за заставу, на дачу. Барчонок один за лекции двадцать рублей должен...

Корпелов. Результат?

Грунцов. Nihil. Пристязжную новую покупает, самому нужны. Показывал, в кольцо вьется. Велел после приходиться.³

Корпелов. Male, сиречь – нехорошо. Динарии, юноша, имеешь?

Грунцов. Нет, отче!

Корпелов. Зело потрібны.

Грунцов. Ты бы, domine, прежде сказал. Утру глубоко я забегал к ростовщи-
ку, к Мурину, понаведаться, что он за мой хронометр даст.

Корпелов. И тебе, юноша, сребреники понадобились?

Грунцов. Барышне конфеты проспорил, остальные тебе, domine, отдал бы,
вот и квит.

Корпелов. Ты, видно, как я же: завелись деньги, так маешься, маешься с
ними, тоска возьмет, точно кандалы тяготят, – ходишь, ходишь, по трактирам-то
газеты читаешь, пока выдут все. Ну, тогда полегче станет, опять повеселеешь. А
вот нужны динарии, так их и нет.

Грунцов. Какая у нас нужда, domine! Вот я нынче видел нужду-то! Прихожу
я к Мурину, от него выходит молоденький франтик, в коляску хочет садиться...
пара рысаков, тысячи полторы стоят... вышел от Мурина-то, шатается; присло-
нился у двери, едва дух переводит, – бледный как полотно, губы трясутся, а сам
шепчет: «Душит он меня, душит, кровь пьет; зарежу я его». Вот она – нужда-то!
в коляске на рысаках ездит, а мы что!

Входит Евгения.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Корпелов, Грунцов, Евгения, потом Маланья.

Евгения(Грунцову). Вы опять пришли?

Грунцов. Да вам-то что за дело? Я не к вам, я к отцу.

Евгения. Конечно, мне все равно, есть ли вы на свете, нет ли вас; только,
пожалуйста, не разговаривайте со мной.

Грунцов. Извольте.

Евгения. А когда ж конфеты?

Грунцов молчит.

Что ж вы молчите? Как это учтиво с вашей стороны!

Грунцов. Да ведь вы сами не велели с вами говорить.

Евгения. У вас на все отговорки есть. Только надо вам знать, что благородные
люди всегда свое слово держат. Да и я-то глупа, – жду от вас. Вам либо жаль
рубля, либо у вас нет его.

Грунцов. Будет и на нашей улице праздник.

Евгения. Когда это?

Грунцов. А вот поеду в Уфу, так вам пять фунтов куплю.

Евгения. Вы давно собираетесь, а все ни с места.

Грунцов. Не заплачьте, барышня.

Евгения. Я-то? Ах, как вы много о себе думаете! Маланья, ставь самовар!
Скоро Наташа придет.

Выходит из кухни Маланья и берет со скамейки самовар.

Маланья. А вы прежде спросили бы, вода-то есть ли у нас, а то самовар!

Корпелов. Аглая, не груби!

*Грунцов вынимает из кармана две копейки, показывает Маланье, надевает
фуражку, берет со скамейки ведро и уходит. Маланья с самоваром за ним.*

Евгения. Грунцов такой спорщик, такой спорщик! Просто сил никаких нет.

Корпелов. Вот он не заспорил, а взял ведро да за водой пошел.

Евгения. Ну, что ж из этого?

Корпелов. Я у него денег попросил, он тоже не заспорил; а хотел часы заложить да заплатить за нас хозяину за квартиру. Ерго,⁴ он не спорщик.

Евгения. Может быть, он хороший и добрый человек, только я его не люблю и видеть не могу. (*Взглянув в окно.*) Хозяин идет. Как чай, так и он тут, и всегда за себя нам гривенник заплатит. Он в кого-нибудь влюблен, либо в меня, либо в Наташу.

Входит Грунцов.

Грунцов. Domine, к тебе хозяин. (*Евгении.*) Позвольте к вам в комнату войти, барышня, поспорить о чем-нибудь.

Евгения. Войдите, пожалуй; только спорить с вами я ни за что не буду; говорите что хотите, а я буду молчать.

Грунцов. Предмет спора: есть у женщин ум или нет?

Евгения. Ну, уж извините! Разумеется, есть.

Грунцов. А я утверждаю, что нет. У них только каприз, и его-то они за ум и считают.

Евгения и Грунцов уходят. Входит Чепурин.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Корпелов, Чепурин.

Чепурин (*кланаясь*). Асафу Наумычу... почтение-с. (*Подает руку.*)

Корпелов. За деньгами? о тиран души моей!

Чепурин. Больше по знакомству-с, а уж кстати и за деньгами, потому срок-с.

Корпелов(*нагибаясь*). Ты зри главу мою, лишенную волос.

Чепурин. Вижу-с. От ума, говорят, это приключается, у кого ежели лишнего много.

Корпелов. Не трогает тебя?

Чепурин. Не редкость какая! Бывают и еще пространнее.

Корпелов. Ну, хочешь, я тебе вместо денег песенку спою и на гитаре сыграю?

Чепурин. Уж очень дорого мне ваша музыка обойдется-с, не по капиталу.

Корпелов. Ну, хочешь, латинскую или французскую книжку тебе почитаю?

Чепурин. Интересно бы послушать, да только у меня к этим языкам как-то понятливости нет-с.

Корпелов. Ну, нечего с тобой делать, надо отдать.

Чепурин. Пожалуйте-с.

Корпелов. Постой! Я говорю, что надо отдать, а не говорю, что отдам сейчас. Денег ни одного абаза нет. Приходи завтра.

Чепурин. Я только удивляюсь на вас: как это вы, при всей вашей учености, всякие вы языки знаете, и никакого себе профиту не имеете.

Корпелов. А оттого я профиту не имею, что от самой юности паче всего возлюбил шатание. Как кончил курс, так и пошел бродить по лицу земному: где у товарищей погостишь, где на дешевеньком учительском месте поживешь. Юношей в гимназии да в университеты готовил рубликов за шестьдесят в год, да из них еще бедной сестренке уделял. В Тамбове год, в Ростове полгода, в Кашине три месяца, а в Ветлугу на недельку погостить хаживал; и прожил я так лет семнадцать, как один день. Товарищи мои до генеральства дослужились, а я выучился только на гитаре играть. С какой котомкой вышел из Москвы, с такой же и вернулся.

Чепурин. Да, тоже, видно, жизнь-то никому не легка, горя-то про всякого довольно.

Корпелов. Ты какое видел?

Чепурин. Лыком подпоясано-с. Я недавно и человеком-то стал, а жить-то начал в лошадиной запряжке. Прежде на этом самом месте пустырь был, забором обнесенный, и калитка на тычке; нанял я подле калитки сажень земли за шесть гривен в год, разбил на тычке лавочку из старого тесу; а товару было у меня: три фунта баранок, десяток селедок двухкопеечных, да привозил я на себе по две бочки воды в день, по копейке ведро продавал-с. Вот какой я негоциант был-с. Потом мало-помалу купил всю эту землю, домик выстроил, – имею в нем овощной магазин, с квартир доход получаю: бельэтаж двести рублей в год ходит-с.

Корпелов. Что ж ты сам в бельэтаже не живешь?

Чепурин. Кабы у меня супруга была-с, так сумел бы и я жить в бельэтаже; а как я холостой, так с меня и темного чулана довольно достаточно-с.

Корпелов. Друже, заведи супругу, сделай милость, заведи!

Чепурин. За этим дело не станет, да надо, чтоб у нее капитал был, хоть небольшой-с; вот как у Натальи Петровны.

Корпелов. А ты почему знаешь, какой у Натальи Петровны капитал?

Чепурин. Слухом земля полнится. У них от маменьки.

Корпелов. Да, да. Вот была женщина-то!

Чепурин. Коли умела деньги оставить, значит ум в себе имела-с.

Корпелов. Оставить! Мало ль кто оставляет. Дело в том, как оставить. Вот слушай! Да нет, уйди лучше, – я плакать буду.

Чепурин. Да, может, и я заплачу-с; это ничего-с.

Корпелов. Уж не помню, где я скитался, кажется в Харькове; только помню, что дело было на святках; загуляли мы у градского головы, – разный народ был: учителя, чиновники из семинаристов, певчие, – уже третий день мы пели душеполезные канты, хозяин сидел на кресле посреди залы, а мы все на стульях у стен, – мы пели, а он дирижировал и плакал. Только что мы затянули «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...», тенора залились вверх, хозяин чуть не навзрыд, – вдруг приносят мне от сестры письмо. Читаю: «Милый братец, приезжай скорей, умираю». Хмель с меня соскочил, поплелся я в Москву пешком. Одежонка плохая, денег всего три рубля; попадется обоз, подсяду; замерз было. Дотасился кой-как; сестра при последнем издыхании. «Вот тебе, говорит, дочь! Береги ее, смотри, чтоб она трудилась, работала; честнее труда ничего на свете нет; коли найдешь хорошего человека, выдай ее замуж. Вот тебе деньги, не тратьте их, это мои трудовые; живите трудом, работайте, а денег не трогать ни под каким видом, – это я сберегла ей на приданое. Выйдет замуж, тогда отдай мужу; а не выйдет, пусть бережет под старость, на черный день». Да такой это строгий был приказ, так строго она на меня посмотрела своими умирающими глазами, что у меня и теперь мурашки по спине ползают и слеза меня прошибает.

Чепурин. Надо вам исполнить-с! Уж это святое дело-с! Только я наслышан, что, окромя этих, еще должны быть деньги.

Корпелов. Разве где-нибудь пятак завалился; а больше нет.

Чепурин. Потому как ваша сестрица жили у богатого барина в экономах...

Корпелов. Ну, бросайся в окно!

Чепурин. Зачем же-с?

Корпелов. У меня силы нет тебя выкинуть, а ты стоишь.

Чепурин. Да я не в осуждение-с.

Корпелов. Вот как это было, *stultissime!*⁵ Сестра моя была красавица, выдали ее замуж за горького, несчастного чиновника Сизакова. Маялась с ним, маялась она; года через два и овдовела; осталась с дочерью без копейки, хоть по миру идти. Тут один барин, старый знакомый, и пригласил ее к себе в экономки. Ну, и жила она, точно, покойно; только не нравилась ей эта жизнь. «Скучно, говорит, дела мало, – да без заботы и без горя жить нехорошо, бога забудешь. Жила я с мужем, говорит, выработала себе денег на шерстяной салопчик и сама его сшила, так, веришь ли, как он мне был мил; а потом, говорит, как жила у барина и очень хорошо одевалась, да все нёмило, только людей стыдно». Потом стал этот барин в старость приходить, оступила его родня, начали на сестру косо поглядывать; не могла она этого перенести, ушла, даже и своего много оставила. После барин не раз звал ее опять к себе – не пошла; денег посылал – не брала.

Чепурин. Теперь вам, значит, только человека найти.

Корпелов. В том вся и задача.

Чепурин. А я полагаю: если вы и найдете, так ничего толку не будет. Получит ваш жених эти деньги, нашьет себе брючек да жилетов, а Наталья Петровна должны из его рук каждую копейку смотреть. Охотников-то на деньги много, да притом же Наталья Петровна в себе красоту имеют.

Корпелов. Как же быть-то? Научи!

Чепурин. Прикажете?

Корпелов. Прикажу.

Чепурин. Отдайте Наталью Петровну за меня, тогда и деньгам место найдется.

Корпелов. Ты... *asinus.*⁶

Чепурин. Мы бы в бельэтаж перешли и завели там мастерскую, и во весь дом над окнами вывеску: «Моды и уборы. Мадам Чепурина». А внизу над окнами тоже во весь дом вывеску: «Индоевропейский магазин китайских чаев и прочих колониальных товаров купца Чепурина».

Корпелов. Ты когда-нибудь на себя глядел в зеркало-то?

Чепурин. Глядел-с, – ничего такого чрезвычайного...

Корпелов. Как ничего чрезвычайного? Да ведь ты Рожер, ужаснейший Рожер; ведь ты мне грубости говоришь, – тебя за это к мировому. Ну, кланяйся в ноги!

Чепурин. За что же-с?

Корпелов. А чтоб я Наташе не сказывал.

Чепурин. Они знают-с, я им даже на письме выражал.

Корпелов. Что ж, она тебя больно?...

Чепурин. Чего-с?

Корпелов. По физиономии-то больно?

Чепурин. Совсем напротив-с. Очень даже деликатно...

Корпелов. Что деликатно?

Чепурин. Дали понять-с.

Корпелов. Да что?

Чепурин. Что будто я глуп-с.

Входят Грунцов и Евгения.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Корпелов, Чепурин, Грунцов и Евгения.

Евгения(в кухню). Маланья, что ж ты самовар? Скоро ль там у тебя?...

Маланья(из кухни). А как поспеет, так и готово. Все вы там, что ли? Много ли посуды-то собирать?

Евгения. Собирай больше! (*Грунцову.*) Вы будете чай пить?

Грунцов. Непременно, и прошу вас налить мне как можно послаще, – да еще краюху черного хлеба у Маланьи выпрошу.

Евгения. За что же вам такие особенные милости?

Грунцов. За конфеты.

Евгения. Которых нет.

Грунцов. Которые будут.

Чепурин. Плесните чашечку и мне-с. (*Вынимает из портмоне гривенник.*) Извольте получить-с!

Евгения. Не надо вашего гривенника, не разбогатеешь на него.

Чепурин. Вы не разбогатеете, да и я не обеднею; а что чего стоит, я заплатить обязан. Кабы счеты, я бы вам как по пальцам разложил. Чай у вас хороший, на мое рыло ползолотника мало-с, кладите на кости полторы копейки; два куса сахару – два золотника, – рафинад нынче в цене: голову купить – двадцать одна с денежкой за фунт, а по фунтам – дороже; извольте класть воду, теперича уголья, услуга, посуда, вы от дела отрываетесь; в расчете – лишнего ничего нет-с. Окромя всего-с, умный разговор от ученых людей и приятная компания. (*Садится у письменного стола.*)

Корпелов лежит на диване с книгой в руках.

Грунцов(*сидясь у среднего стола*). Пока до чаю, об чем же мы спорить будем с вами, барышня?

Евгения(*сидясь к столу с другой стороны*). Ни об чем и никогда. Я рта не разину.

Грунцов. Я утверждаю, что вы меня завтра поцелуете.

Евгения. Что вы, с ума сошли? С чего вы выдумали?

Грунцов. На фунт конфет!

Евгения. Вы проигранные-то отдайте прежде!

Грунцов. На фунт конфет!

Евгения. Утешайте, утешайте себя! Так в вашем воображении и останется.

Грунцов. На фунт конфет!

Чепурин. Паре интересное.

Евгения. Ты-то что? Ты не хочешь ли пари поддержать?

Чепурин. Нет-с, я проиграю, потому что от вас не смею надеяться.

Евгения. Да, я знаю, от кого ты надеешься; ты ведь в Наташу влюблен.

Наташа входит и останавливается у двери.

Чепурин. А от них тем более не ожидаю.

Евгения. Почему же тем более?

Чепурин. Сказать-с?

Евгения. Скажи.

Чепурин. Потому что у них есть любовник.

Корпелов. Чепурин, быть тебе нынче битому.
Евгения. Молчи, безобразный! Что ты говоришь!
Наташа входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Корпелов, Чепурин, Грунцов, Евгения и Наташа.

Наташа. Он правду говорит. Здравствуйте, господа! (*Садится у стола между Грунцовым и Евгенией.*)

Евгения. Да как же он смеет любовником называть?

Наташа. А как же назвать-то? Конечно, любовник. Чайку бы поскорей, устала; а денег не принесла, дяденька, подождать велели.

Корпелов. Не печалься, денег добудем; у меня есть в запасе старый товарищ, Матвей Потрохов. Богат, как Крез, а главное, сам навязался: «Приходи, говорит, когда нужно будет; мой бумажник всегда открыт для тебя». Надо ему сделать честь, занять у него! А вот ты нас словечком-то ушибла немножко.

Наташа. Каким словечком? Любовник? Что ж, дело очень обыкновенное. Кабы мы были барышни как следует, так об нас и честней бы говорили. Барышни-то как замуж выходят? Придет в дом сваха, запрется с маменькой и шепчутся, потом маменька с папенькой запрутся и шепчутся, потом по всему кварталу шепот пойдет. Все шепчутся, а барышня ничего не знает, сидит в зале и на фортепьянах играет.

Чепурин. Все это так точно-с.

Наташа. Потом снарядят старух разузнавать, каков человек; те всю подноготную выведают. Потом жених станет ездить в дом, благословять образом; а барышне останется только ходить, обнявшись с женихом, да поминутно целоваться. И чем больше народу смотрит на них с улицы, тем лучше.

Чепурин. Все это верно-с. Еще у окон-то соседи подмостки сделают, скамеек из своих домов натаскают да считают, сколько раз поцеловались: «Нынче, говорят, столько, а вчера столько-то»; да спор из этого подымут.

Наташа. А мы с тобой, Женечка, должны сами женихов выбирать; а ведь для этого нужно познакомиться, видаться почаще, говорить по душе. Ну вот и пошел разговор, что любовник. А все дяденька виноват.

Корпелов. Коли не кто другой, так, должно быть, я; надобно же кому-нибудь быть виноватым.

Наташа. Плохо за нами смотрите, никогда не побраните нас, коли мы ленимся работать, — позволяете из дому уходить, куда нам угодно.

Чепурин. Это действительно с вашей стороны упущение, и никак нельзя вам за это чести приписать, потому как вы в доме живете вместо старшего.

Корпелов. То-то и есть, что не старший, а вместо старшего; я и на свете-то живу не человеком, а вместо человека. Я и на службе-то был вместо кого-то, потому что служил исправляющим должность помощника младшего сверхштатного учителя приходского училища. Прослужил я целых три месяца, вышел в отставку и аттестат два раза терял, и живу теперь по копии с явочного прошения о пропавшем документе. Признаться вам сказать, друзья мои и сродники, уж начинаю я сомневаться, сам-то я не копия ли с какого-нибудь пропавшего человека.

Наташа. Вот от вашей оплошности, дяденька, могла бы беда случиться; да